

Шото Тодороки в кои-то веки почувствовал, что огонь, потухший внутри него, медленно разгорается и перерастает в нечто большее.

Все они были людьми, как и он, и, как любой человек, не обладающий такими же способностями, как он, они сильно страдали от постоянных перепадов температуры. Не говоря уже о том, что они были чувствительны к интенсивному льду и огню.

Они были сильнее только за счет своей проворности. То же самое, что заставило Бакуго одолеть его во время турнира.

Пыхтя и пытаясь отдышаться, он следил за тем, как оставшиеся на ногах, словно раненый тигр, демонстрируют свою выносливость.

Правда, он забыл упомянуть, что им не хватало того самого, что сдерживало его.

Мань.

Медленно, его лед становился все менее и менее интенсивным, и с каждым движением его становилось все меньше и меньше. Его огонь, хотя он все еще ярко горел на левом боку, уже угасал.

Сможет ли он на этот раз уйти живым? Он не был чудотворцем.

Его зрение начало темнеть. Они непрерывно сражались уже несколько часов, и Шото не хотелось признавать это, но даже если бы он одолел их как обычных бойцов, он не смог бы справиться с ними как с целым племенем, жившим в дикой природе последние столетия.

Ему не хотелось бы видеть, насколько сильными должны быть их предки, чтобы противостоять так называемому "Богу".

— Ты хорошо сражался". сказал мужчина, вытирая пот. У него были заметны ожоги и обморожения, было очевидно, что температура - это то, что человеческая природа не может побороть, даже будучи мифическим существом.

Шото не ответил. Или, скорее, он не мог заставить себя.

Несмотря на то, что его тренировали с юных лет, выходя за рамки своих возможностей, он боялся, что переборщил. Его тело не поспевало за его причудой, и над этим нужно было еще поработать.

— Ты, конечно, грозен для ребенка, но, в конце концов, ты все равно не вписываешься в этот мир. Мир, где все вращается вокруг войны, особенно ради завоевания прав".

Выпустив последнюю порцию своей силы, прежде чем полностью исчерпать себя и стать бесполезным для экипажа, он отступил назад к обрыву и упал с края, почувствовав, как воздух устремился внутрь.

Лучше было упасть, чем попасться.

Он был прав. Он слишком забежал вперед, думая, что сможет справиться с многочисленными ветеранами, которые сражаются всю свою жизнь.

Увидев шлепанцы, оставленные Шото на земле нетронутыми, мужчина с любопытством надел их и почувствовал, как мягкая ткань щекочет его кожу. Ему понравилось.

Что ж, он оставит их себе. Вряд ли мальчик восстал бы из мертвых только для того, чтобы забрать шлепанцы. К тому же, после такого падения все равно никто не выживет.

— Ты, конечно, грозен для ребенка, но, в конце концов, ты все равно не вписываешься в этот мир. Мир, где все вращается вокруг войны, особенно ради завоевания прав".

Что это должно было значить?

"Ты все равно не вписываешься в этот мир".

Это означало, что он слишком слаб, верно? Само собой разумеется, Шото догадался об этом сам. Несмотря на то, что он сталкивался с нормальными существами, которые тренировались, как и он, он был слаб против них, даже имея двойную причуду. Это удручало.

Глядя на ладони в темном пространстве, он почувствовал, как крепко сжимает руки, пуская кровь, что казалось невероятно сюрреалистичным.

Слабый. Слабый. Слабый. Разве ему не говорили это уже более чем многочисленные разы? Так почему же он был так настойчив? Почему он настаивал на том, чтобы сделать то, что ему явно не суждено? Почему он до сих пор так старается?

В конце концов, он ничего не мог поделать.

Даже пообещав Луффи вернуться, он действительно верил, что настолько силен? Он даже не смог победить племя, состоящее из обычных бойцов.

Подумать только, он всегда чего-то не добивался. Он подвел свою мать, он подвел своих братьев и сестер, он подвел своих одноклассников, а теперь он подвел свою команду, единственных людей, которые до сих пор могли терпеть его.

Мысли о своей жизни в другом мире заставили его поднять голову.

Разве он уже не сражался?

Даже не осознавая, он всегда был на войне. Еще до своего рождения. Он был так называемым вундеркиндом, который должен был соответствовать ожиданиям своего отца.

Завоевать права?

Это было то, чем он уже занимался. Не справившись с матерью, не имея другого выбора, кроме как следовать тем ожиданиям, которые ему навязывали. ... И в конце концов, он все равно сделал это, верно? Ему удалось наладить отношения с матерью и отцом, удалось ободрить братьев и сестер.

Так что он не потерпел неудачу.

Этот человек не знает, о чем говорит. Что он знает? Он никогда не был вовлечен в жизнь Шото, так что его слова были просто нецензурными. Слова, которые исходили от него, ничего не стоили.

Шото продолжал бороться, и только сейчас он понял, как далеко зашел. Может, племя и сильнее его, но, в отличие от них, он все еще был предназначен для чего-то большего. Это был еще не конец.

С решимостью, горевшей ярче прежнего, Шото заставил себя открыть глаза и прежде всего увидел темное небо.

Он должен был сдержать свое обещание.